Кононов А. Н. **Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.** — Л.: Наука, 1980. 255 с.

Академик Андрей Николаевич Кононов — тюрколог-грамматист, историк языка и историк науки, автор фундаментальных грамматик турецкого и узбекского языков, исследователь «Махбубул-кулуб» Алишера Навои и «Родословной туркмен» Абу-л-Гази — почти не имел публикаций по тюркской рунологии. Появление столь обширного труда все же объяснимо: это — результат многолетних штудий рунических текстов, находивший до сих пор выход лишь в соответствующих лекционных курсах, которые автор читает в ЛГУ уже более четверти века. Само же подобное постоянство внимания связано с тем глубоким, пристальным интересом, который вызывает феномен рунических памятников у каждого занимающегося историей тюркских языков.

С тех пор, как в конце 1893 г. В. Томсен дешифровал тюркское руноподобное письмо, а В. В. Радлов в начале 1894 г. предложил свои первые переводы памят-

ников, тюркологи уже не одного поколения не перестают изумляться открывающейся перед ними картине. Главнейшие памятники (начало VIII в.) написаны столь блестящим по образному строю и точным по использованию фонетических, лексических и грамматических средств, иными словами — столь отшлифованным литературным языком, обладают таким богатым культурно-историческим содержанием, что приходится признать: в последующие тысячу двести лет тюркское языкотворчество — несмотря на наличие огромной литературы со многими замечательными образцами — не создало, пожалуй, на наш взгляд, лучшего.

Исключительное значение памятников, определяемое их положением самого древнего и при этом обильного и полноценного языкового материала, с особой остротой поставило проблему соотнесения их языка с современными и другими древними и средневековыми языками. Установление линий преемственности между языками древности и современности существенным образом влияет на решение ряда кардинальных вопросов сравнительно-исторической грамматики и построение схемы исторической филиации тюркской семьи языков. Все значительные труды по языку тюркских рунических памятников (ТРП),— обобщающие и многие частные — не обходят стороной эту проблематику. С другой стороны, каждый такой труд — это собрание большого числа филологических пассажей и, главное, опытов нового чтения трудных мест, без чего нет движения в понимании форм и категорий.

Рецензируемая книга продолжает лучшие традиции рунологической литературы в указанном смысле: в ней освещается ряд общих вопросов и в то же время дается множество конкретных проработок, предложений, истолкований, она концептуально основательна и филологически добротна. Книга, посвященная памяти видного советского тюрколога, много поработавшего над языком енисейских надписей, акад. АН КиргССР И. А. Батманова (1906—1969), состоит из предисловия и одиннадцати (I—XI) разделов (глав); основная ее часть начинается с раздела V (с. 24) и имеет дополнительную разбивку на параграфы (с 1 по 448), в разделах I—IV обсуждаются историко-филологические проблемы.

В предисловии автор останавливается на характере письменно-литературного языка ТРП, который «возник и развивался на основе устно-эпической традиции» (с. 3) и как всякое наддиалектное образование представляет собою «довольно пеструю картину в отношении использования грамматических форм» (с. 4); в данном случае язык ТРП впитал в себя, как считает автор, «наиболее характерные черты двух, в ту пору наиболее крупных языковых групп — уйгурской и огузской» (там же). Временные границы ТРП автор определяет, принимая условную датировку одного из мелких памятников 688—691 годами и относя памятники из Монголии и Восточного Туркестана к середине IX в., «хотя не исключено,— замечает он,— что рунические письмо там, особенно в бассейне Енисея, использовалось и позднее» (там же).

В разделе I «Из истории открытия, дешифровки и изучения ТРП» (с. 7—13) приведены сведения ряда нарративных источников с VI по XIII в., упоминающих о письменности тюрков, которые могут быть истолкованы как указания на рунические письмо. В новое время известия о ТРП в европейскую науку попадают от Д. Г. Мессершмидта и Ф.-И. Страленберга (20—30 гг. XVIII в.) и завершаются дешифровкой письменности В. Томсеном после находок в 1889 г. Н. М. Ядринцевым в бассейне р. Орхон двух больших стел с двуязычными надписями.

В разделе II «Локализация ТРП» (с. 14—21) содержится обобщенная характеристика надписей по их ареалам: 1) орхонские, 2) енисейские, 3) восточнотуркестанские, 4) среднеазиатские — Таласская и Ферганская долины, 5) восточно-европейские памятники. На с. 20 автор высказывается по спорному в тюркологии вопросу о возрасте енисейских памятников (которые обычно необоснованно, по нашему мнению, удревляют до V—VI вв.), считая вслед за Л. Р. Кызласовым и другими, что их «следует датировать IX—X вв.; наиболее вероятно, с исторической точки зрения, что они относятся (в основной массе) к IX в.».

В разделе III «Историко-политическая классификация ТРП» (с. 22) памятники распределяются (по С. Г. Кляшторному) в двух отношениях: по государственной принадлежности — семь групп (от Восточнотюркского каганата до Печенежского племенного союза), по жанру — шесть групп (от больших историко-биографических надписей до меток на бытовых предметах).

В разделе IV «О происхождении рунического алфавита (с. 23) излагается ныне наиболее устоявшаяся точка зрения, согласно которой «древнейший тюркский рунический алфавит в основе своей восходит к буквенному письму арамейского происхождения, заимствованному тюрками у ираноязычных народов Средней Азии через посредство пехлевийского, хорезмийского и согдийского алфавита...».

В разделе V «Определение и классификация языка ТРП» (с. 24—41) обсуждаются проблемы статуса языка рунических памятников в общей генетической схеме древних и современных тюркских языков в тесной связи с возможной диалектной разнородностью древних тек-

стов. Автор последовательно сводит аргументацию предшественников, начиная с известных положений В. В. Радлова, выделившего на основании ряда фонетических и морфологических признаков древние «диалекты»: северный (тюрок-сиров), южный (уйгурский) и смешанный, с двумя поддиалектами — западным и восточным; автор считает, что основы выделения и классификации древнетюркских «диалектов», предложенные В. В. Радловым в 1911 г., остаются и поныне действительными, хотя, понятно, «с некоторыми уточнениями и дополнениями». В числе последних приводятся некоторые возражения П. М. Мелиоранского и А. Н. Самойловича. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что подходы к классификации древних (и современных) тюркских языков у В. В. Радлова и А. Н. Самойловича принципиально различны. Дело не столько в том, что последний не считал существенными различия между орхонским и древнеуйгурским, как это отмечает автор рецензируемой книги (с. 29). Дело в более важном.

По признаку инлаутной альтернации *d/j* (*adaq/ajaq* «нога»), введенному А. Н. Самойловичем в систему классификационных критериев, все тюркские языки, древние и современные, членились на две основные зоны — западную и восточную. Основная масса современных языков — кыпчакские, огузские и карлукские (уйгурский с узбекским) — при этом отходили к западной *j*-зоне, тогда как древние орхонский и уйгурский, будучи *d*-языками, принадлежали восточной зоне с современными языками — тувинским, якутским, хакасским и др. Нельзя думать, что *d* > *j* где-то после рунического времени; А. Н. Самойлович в другой своей работе, опубликованной совсем недавно [1], подчеркивал древность данного соответствия. Последнее особенно ярко доказывается, как приходилось уже говорить [2], спорадическими вкраплениями *j*-форм в древнейших ТРП. Следовательно, квалификация языка орхоно-енисейской (и древнеуйгурской) письменности как огузского, уйгурского, огузо-уйгурского и т. п., основанная на общности ряда других существенных, главным образом морфологических, признаков (формы *-mïš*, *-duq* и др.), наталкивается на противодействие признака *d/j*. Несмотря на обилие трудов, обсуждающих проблемы классификации тюркских языков и места среди них языка памятников, наиболее значимые из которых приведены в данном разделе рецензируемой книги, антиномия, выдвинутая более 60 лет назад А. Н. Самойловичем, не только не преодолена, но во многих из упомянутых работ не оценена во всей ее первостепенной важности.

В последующих разработках данных проблем — в трудах А. Габен, а затем Д. Синора, О. Прицака — в качестве классифицирующих признаков (наряду с рассматривавшимися прежде) выступают соответствия *j/ń* и узкой/широкой огласовки аффиксов. Последнее с учетом положения В. В. Радлова о чередовании узких и широких, передних и задних гласных в корнях-основах позволяет автору рецензируемой книги высказать идею о возможности «в основу исторической классификации тюркских языков внести важный элемент: характер огласовки аффиксальных морфем» (с. 37). Тогда, считает А. Н. Кононов, прототюркское состояние представляло собой дивергенцию *a* (*ä*, *o*, *ö*)-языка и *ï* (*i*, *u*, *ü*)-языка, в современных же языках «эти два признака обнаруживаются в одном и том же языке, что явилось результатом сложного исторического взаимодействия носителей этих двух классификационных признаков, выразившегося в довольно частых объединениях и разъединениях тюркских племен» (там же). Несмотря на указанную (принципиальную) смешанность, автор полагает возможным разграничить засвидетельствованные языки по данному признаку: «Характерными представителями *a*-языка являются тюркюты (основным ядром которых были огузы), аргу, кыпчаки, чигили и современные чуваши и якуты (отчасти); представители *ï*-языка — древнеуйгурский язык и подавляющее большинство современных тюркских языков» (там же).

На протяжении последующего изложения, при фиксировании корреляции широкой—узкой огласовки различных показателей автор неоднократно повторяет и развивает это свое положение.

Не отвергая целиком данной идеи, можно обсудить следующие соображения. В принципе, возможно такое положение, когда какое-либо межъязыковое распределение нарушается с течением времени за счет смешения языков. Однако когда речь идет о большой группе языков и о большом числе явлений (в нашем случае — затрагиваются почти все аффиксальные морфемы), все же маловероятно, чтобы языки смешались равномерно и невозможно было бы уловить преимущественность одного типа (*a*-огласовок) в ареале с *a*-субстратом и другого типа (*ï*-огласовок) — в ареале с *ï*-субстратом. Приблизительная же оценка именно такова. В свете этого допустим и иной путь развития. Возможно, гармония гласных имела более широкую амплитуду (и по небности, и по подъему), затем гармония по раствору стала затухать, произошло распределение типа огласовки по формантам; в словообразовательных рядах пережиточно сохранились старые морфонологические модели [3], в более грамматичных показателях могла произойти филиация алломорфов на самостоятельные морфемы, не исключена разная направленность обобщения огласовки в раз-

ных древних ареалах. Как видим, и при подобном решении вопроса рациональное зерно идеи, развиваемой А. Н. Кононовым, остается.

В разделе VI «Краткий очерк истории изучения фонетико-грамматического строя ТРП» (с. 42—56), наряду с перечислением трудов, начиная с «пионеров» тюркской рунологии Радлова, Томсена и др. и кончая последними (1978 г.) работами советских и зарубежных специалистов, автор останавливается на номенклатуре названий языка ТРП, предлагавшихся в разное время, а также на этнониме *türk*. Последняя форма, как считает автор,— «единственно правильное чтение», подтверждаемое начертанием в рунической, уйгурской и арабской графиках. По поводу семантики данного термина автор поддерживает правильность общеустоявшегося мнения о политическом его значении, отвергая предложение Г. Дёрфера переводить такие сочетания, как *türk bilgä qaγan*, словами «могучий мудрый каган», а не обычным «тюркский... каган»; ранее, на с. 16—17, утверждается, что более адекватным переводом слова *bilgä* в данном сочетании является «правящий», «правитель», а не традиционное «мудрый». Видимо, действительно, слово *bilgä* «мудрый» означает в данном контексте «мудрый (в делах правления)»; может быть, удачнее было бы искусственное «мудроправящий», поскольку просто «правящий» отрывается от внутренней формы слова.

В связи с этимологией термина *türk* автор делает лишь краткие добавления к своим более ранним работам. Он вслед за А. Н. Бернштамом полагает, что «наиболее вероятным прототипом этого имени... является слово *türkün* „место, где собирается племя“, „родственники“, „отчий дом“ и аналогичные формы в различных тюркских и монгольских языках, „исходной основой“ которых «является глагол *tür-* + *-ā-*, *tür-* + *-ü-* ~ *tör-* + + *-ū-* „появляться“, „нарождаться“, „происходить“, „возникать“» (с. 50—51).

В разделе VII «Фонология» (с. 57—75) автор поддерживает мнение составителей «Древнетюркского словаря» [4] о невозможности передачи текстов ТРП в точной фонетической или фонематической транскрипции, считая, что здесь «обычно применяется транслитерация», которая «поддерживается, где это возможно, фонологической реконструкцией» (с. 57). Формулируя принцип письма, А. Н. Кононов указывает, что «рунический алфавит создан на морфонологической основе, а не фонологической и отражает систему дифференциальных признаков фонем, а не сами фонемы» (там же).

Для иллюстрации графической системы на с. 58—59 приводится таблица знаков ТРП (40 знаков, включая словоразделитель, многие в вариантах), заимствованная, как указано, из работы А. С. Аманжолова [5].

Вокализм языка ТРП насчитывает в интерпретации автора восемь гласных— *a*, *ā*, *ï*, *i*, *o*, *u*, *ö*, *ü*; причем гласный *e*, обозначаемый особой графемой, принимается как «более узкий, или закрытый, вариант широкой гласной фонемы *ä*» (с. 60).

Консонантизм языка ТРП представлен шестнадцатью согласными — *b*, *p*, *d* (*δ*), *t*, *k* ~ *q*, *g* ~ *γ*, *j*, *č*, *s*, *š*, *z*, *m*, *n* (*ń*, *ǰ*), *ŋ*, *l*, *r*.

Описываются дистрибуция фонем по позициям в слове и некоторые чередования звуков. По поводу нередких в ТРП написаний *s* вместо *š* А. Н. Кононов, не поддерживая заключений В. Томсена и В. В. Радлова об орфографическом характере данного колебания, соглашается с мнением С. Е. Малова о влиянии живого произношения на данную особенность: «Мне представляется, что перебой *s*/*š*, известный современным тюркским языкам..., является одним из ярких, может быть, самым ярким проявлением диалектных признаков, нашедших отображение в ТРП» (с. 65—66).

В подразделе «Основные фонологические закономерности» автор описывает сингармонизм, ударение, слог и слогоделение. Рассмотрение подобных явлений, нуждавшееся бы в наблюдении над живой речью, на материале ТРП (как и вообще большинства письменных памятников) носит, понятно, условный и неполный характер. Сингармонизм как «уподобление гласных и согласных звуков» в части гласных реализуется, по автору, в небной и губной гармонии. Первая проявляется в том, что аффиксы, имея два варианта огласовки (для ТРП, надо оговорить, узнаваемой опосредованно — через выписывание «твердых» или «мягких» согласных), варьируются в зависимости от состава гласных основы: за велярными гласными в основе следуют велярные же (а не палатальные) гласные в аффиксе и наоборот, за палатальными в основе — палатальные (а не велярные) в аффиксе. Однако утверждение о наличии в языке ТРП губной гармонии нуждается в существенных оговорках.

Многие аффиксы имеют здесь либо губную огласовку (палатальную или велярную), либо негубную (также палатальную или велярную). При таком положении не происходит морфонологического уподобления, т. е. выбора огубленной огласовки аффикса из двух возможных вариантов — огубленного и неогубленного, под влиянием огубленных гласных в основе, ср.: продуктивное глагольное имя *-d(°)k* в ТРП имеет (по огласовке) два варианта: *-duq*, *-dük*, а в современном турецком — четыре: *-duk*, *-dük*, *-dık*, *-dik*, каждый из этих четырех алломорфов обеспечивает уподобленность

гласного состава аффикса гласным основы по двум параметрам: небности и огубленности. Правда, в некоторых аффиксальных морфемах, прежде всего, в показателях принадлежности, вероятно, могло быть четыре варианта огласовки, и, следовательно, губная гармония как бы уже зарождалась, но окончательное суждение об этом затруднено правилом невыписывания гласных в аффиксах этого типа.

В разделе VIII «Структура тюркских корневых морфем» (с. 76—82) при изложении весьма дискуссионных в тюркологии вопросов изначального облика корня автор, приведя положения, отстаиваемые Н. А. Баскаковым и другими учеными, о типичности (и изначальности) структуры *CVC*, указывает, что «вопреки этому положению ТРП своим лексическим запасом подтверждает наличие некоторого количества односложных глагольных корней типа *C* + *V*...» (с. 77), а также типов *V* и *V* + *C*, отмеченных в начале изложения (с. 76). Ставшие широко распространенными после обстоятельных монографий Э. В. Севортяна представления об изначально свойственной тюркским языкам глагольно-именной омонимии или корневом синкретизме, восходящие еще к П. М. Мелиоранскому, отвергаются автором в пользу более сложной картины, согласно которой подобная омоформия (*tat* «пробовать на вкус» и «вкус») образовалась исторически, в результате совпадения «в единой звуковой форме разных по происхождению основ, что, конечно, не мешает признать давно известное в русской тюркологии положение о происхождении имен от глаголов» (с. 82).

Таким образом, последнее неявно, но достаточно логично подчеркивается положением о первичности корней *CV*, для которых уже именная семантика не восстанавливается, и в целом вся концепция представляется достаточно обоснованной. Здесь же, в подразделе «Генезис тюркских аффиксальных морфем», А. Н. Кононов решительно и сурово осуждает «утвердившееся с прочностью предрассудка широко распространенное мнение, что все агглютинативные форманты восходят к самостоятельным словам», считая, что это мнение «есть заблуждение, направившее тюркологов по ложному пути» (там же). Нужно учесть, что это — в известной мере и самокритичное заявление. Автор указывает на три типа сращений некогда самостоятельных аффиксальных морфем (приведших к образованию аффиксов типа *-CVC*): 1) однозначных морфем (мн. ч. *-lar* < *-l°-* + *-r*), 2) морфем *разного значения* (имя действия *-maq* < < имя действия *-m°* + дат. п. *-q* < *-qa*), 3) морфем залога с морфемами причастия, деепричастия или прилагательного.

Раздел IX «Словообразование» (с. 83—142) занимает сравнительно большой объем по двум причинам. Во-первых, внего вошли не только чисто словообразовательные *форманты*, но и аффиксы формообразования, такие, как оценочные формы существительных и прилагательных, разряды числительных, причастия и деепричастия глагола. Во-вторых, немалое место при этом занимают генетический *анализ морфем* под знаком цитировавшейся выше идеи о синтезе двух -(и более) консонантных аффиксов из одноконсонантных и генетические сопоставления различных исходных и производных формантов. Последнее — дань традиции, все наши крупные синхронные грамматики содержат историко-этимологические справки формантов. К сожалению, это иногда идет в ущерб выявлению некоторых семантико-функциональных особенностей форм, удаленных от особенностей предполагаемого *прототипа*.

Словообразование ранжировано по частям речи, по способам образования и по частям речи мотивирующего слова. Для существительного зафиксировано около тридцати аффиксов, часть из них малопродуктивна (почему-то отсутствуют примеры в §§ 101, 103, 109); под словосложением описываются, главным образом, номинативные словосочетания по типу синонимичных, реже антонимичных пар, сложение же слов в одно слово — редкое явление в тюркских языках, в § 143 приведено всего три примера. Для существительного помимо аффиксации и словосложения в особые способы выделены фонетический способ словообразования (функциональное чередование звуков, например, огласовки переднего—заднего рядов, глухих—звонких согласных), субстантивация и калькирование.

К числу аффиксов образования прилагательных от имен и глаголов (всего около полутора десятков формантов) непонятно почему отнесен аффикс *-lï*, который используется для обозначения сочинительных отношений между однородными членами предложения, т. е. выступает в функции соединительного союза: *inili ečili...* «и младшие и старшие родственники» (с. 107).

В этом же разделе при описании формообразовательной аффиксации глагольных имен — причастий и деепричастий — раскрываются и иллюстрируются и синтаксические их функции. Для причастий на *-°r*, *-duq*, *-sïq* — атрибутивные, предикативные и субстантивные, на *-mïš*, *-dačï* — две первые. Деепричастия здесь рассматриваются в обстоятельственной функции, когда они выступают «наречным признаком определяемого им[п] глагола-сказуемого» (с. 128). Точнее бы эту функцию определять как полупредикативную, так как имеется в виду роль деепричастий синтаксически несамостоятельных оборотов, как абсолютных, так и односубъективных с главным сказуемым.

В разделе X, озаглавленном «Морфология» (с. 143—210), таким образом, рассматриваются грамматические категории частей речи: существительного (число, падеж, принадлежность, определенность — неопределенность), глагола (лицо-число, отрицание, модальность возможности — невозможности совершения действия, наклонения и времена, способы действия). Отдельно от косвенных наклонений, т. е. включаясь в рамки индикатива, описываются модальные формы глагола (модальности неочевидности, предположительности, достоверности, условности). Если подобное обособление названных форм совершенно оправдано, так как отражает их лексико-грамматический характер (ср. также наличие у автора лексико-грамматической категории способа действия — необходимое нововведение в схему тюркской грамматики в духе современных достижений аспектологии), то выделение перифрастических форм в особый параграф (с. 196—197) непоследовательно, на наш взгляд, так как нарушает принцип описания по категориям. Представляется, что все перифрастические формы должны были бы быть распределены по категориям (как лексико-грамматическим, так и, возможно, грамматическим).

В разделе XI «Синтаксис» подраздел «Подчинительная связь слов» излагается, как предупреждает и сам автор, по «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970); благодаря этому в тюркологию вводится прием рассмотрения синтаксических связей не только со стороны формальной организации этой связи, но и с точки зрения смысловых отношений между грамматически главенствующим и грамматически зависимым словом. Однако указанный подход реализуется в рецензируемой книге не до конца.

Во-первых, формулировки примыкания, управления, согласования (с. 212, 215, 217) содержат перечисления только формальных способов экспликации подчинительной связи, в них еще нет указаний на виды смысловых отношений, устанавливающихся при этом между словами. Во-вторых, определительные словосочетания из двух существительных, так называемый изафет, рассматриваются автором (как и в предыдущих работах) как организованные способами соответственно примыкания, управления, согласования в зависимости от формы связи в определяемом — беспритяжательная, притяжательная, притяжательная с род. падежом определения. Между тем, возможно и совершенно иное рассмотрение тюркского изафета, как это допускает анализ аналогичного материала в той же русской «Грамматике—70».

В подразделе «Сложное предложение» привлекают внимание, например, параграфы, посвященные сложноподчиненным предложениям с союзным словом *tejin*, передающим различные синтаксические связи, в зависимости от лексического наполнения и грамматического оформления придаточной части (с. 228—229); или же описание рамочных конструкций (с. 230—233), весьма актуальное в свете дискуссионности ряда аналогичных вопросов современного тюркского синтаксиса.

Теперь, может быть, уместно на одном примере разобрать конкретно-текстологическую работу, которая не занимает особого раздела или подраздела, но так или иначе пронизывает и насыщает всю книгу. В § 115 в качестве иллюстрации на аффикс *-γuluq* приведена цитата из памятника в честь Тоньокука: *jujqa q(a)l(ī)n bols(a)r top(u)lγuluq (a)lp (ā)rm(i)s j(i)nčgä joγ(u)n bols(a)r üzg(ü)lük (a)lp (ā)rm(i)s* «Если тонкое сделается толстым, тот, кто сможет разорвать [толстое], надо думать, герой. Если слабое сделается крепким, тот, кто сможет сломать [крепкое], надо полагать, герой» (с. 92).

Материалами «Древнетюркского словаря» убедительно доказывается понимание слова *alp* в данном отрывке как «трудно»— омоним к *alp* «герой» [см. 4, с. 36—37, составитель слов. статьи В. М. Наделяев]. Думается, что разгадана также и семантическая корреляция двух слов со значением «толстый»: *qalïn* «толстый (о плоских предметах)», в отличие от *joγan* «толстый (о круглых предметах)» [см. 4, с. 411—412, составитель слов. статьи И. В. Кормушин]. Однако следует принять и отстаиваемое автором новое чтение *topulγuluq* вместо традиционного *toplaγuluq* «тот, кто соберет». Глагол *topul-* «прорывать, пробивать, продырявливать», обычный для уйгурско-карлукского круга памятников [см. 4, с. 575, составитель слов. статьи Л. Ю. Тугушева] (на глагол же *topla-* данный пример был единственным), обладает и большей семантической однородностью с глаголом *üz-* «разрывать, отрывать», обязательной для нередких в ТРП конструкций синтаксического параллелизма. Если синтезировать указанные толкования, новый перевод будет более приемлем и семантически, и текстологически: «если плоское становится широким, пробить [его] трудно; если тонкое становится толстым, прорвать [его] трудно». Кстати, необходимость интерпретации формы на *-γuluq/-gülük* для данного места как единственного случая субстантивации указанного причастия, развиваемой автором в § 115 (с. 92), отпадает; здесь мы имеем дело с более обычным употреблением этого модально-потенциального причастия в предикативной функции [см. 4, с. 654], в которой оно сближается с инфинитивом.

Рамки рецензии, понятно, не позволяют обсудить еще многие другие интерес-

ные и не всегда, может быть, бесспорные текстологические трактовки автора.

Обобщая свои наблюдения над рецензируемой книгой, выскажем уверенность, что она, несомненно, будет встречена с глубоким интересом и у нас в стране, и за рубежом. Многие ее положения еще предстоит проанализировать и освоить. Но сейчас уже ясно, что она является во многих отношениях выдающимся трудом, подводящим итоги длительного этапа первичного изучения ТРП. Дальнейшее продвижение здесь уже возможно после новой более глубокой текстологической и палеографической их проработки, для которой книга А. Н. Кононова станет надежным фундаментом.

Кормушин И. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самойлович А. Н.* Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями.— СТ, 1973, № 5, с. 108.
2. *Кормушин И. В.* К вопросу о древнедиалектном членении тюркской языковой области.— В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов и сообщений. М., 1977.
3. *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках.— В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1977, с. 22—23.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
5. *Аманжолов А. С.* К генезису тюркских рун.— ВЯ, 1978, № 2, с. 80—81.

Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. **Функциональная стилистика адыгских языков.** — М.: Наука, 1979. 360 с.

Научная разработка функциональных стилей языка является одной из теоретических платформ, на которых основывается языковое строительство в нашей стране. Если в отношении старописьменных языков уже существуют фундаментальные исследования по функциональным стилям, то этого нельзя сказать о младописьменных языках. Абхазо-адыгская группа языков, в частности, в этом отношении изучена очень слабо.

Исследование функциональных стилей этой группы языков имеет немаловажное значение для решения таких теоретических вопросов, как содержание, принципы классификации, состав и взаимодействие функциональных стилей. С другой стороны, анализ функциональной стилистики языка, в котором письменные литературные стили еще не вполне сформировались (иногда, видимо, удобнее было бы говорить о языке художественной литературы, а не о литературном языке), послужит ускорению языкового строительства и поднятию речевой культуры.

Рецензируемая работа З. Ю. Кумаховой и М. А. Кумахова является первым (и надо сразу же сказать — удачным) опытом монографического исследования функциональной стилистики младописьменных адыгских (адыгейского и кабардино-черкесского) языков. Этот опыт, по нашему мнению, в известной мере применим и к другим младописьменным языкам СССР.

Перед авторами стояли трудности первопроходцев, связанные как с неизученностью вопросов стилистики адыгских языков, так и с отсутствием единства взглядов в теоретической лингвистике на предмет самой функциональной стилистики, на отношение стилей речи к литературному языку, территориальным диалектам и т. д. Круг рассматриваемых проблем определил структуру монографии. Она состоит из краткого предисловия, обстоятельного теоретического введения, посвященного функциональным стилям в языках различных типов, трех глав (I — Устно-поэтический стиль; II — Литературно-художественный стиль; III — Научно-публицистический стиль) и Заключения.

Как известно, проблемы функциональной стилистики разрабатываются преимущественно на материале старописьменных языков. Несмотря на то, что в этой области достигнуты значительные успехи, многие вопросы остаются нерешенными.

Авторы книги разделяют «точку зрения, согласно которой функциональный стиль — это разновидность общенародного языка, используемая в определенной сфере общественной деятельности и характеризующаяся известной совокупностью лексических, фразеологических, грамматических и в какой-то мере фонетических признаков, часть которых свойственна другим функциональным стилям, но характер их выбора и сочетания отличает один функциональный стиль от другого» (с. 7). Это мнение, хотя полностью и не совпадает с трактовкой понятия функционального стиля рядом известных советских ученых (Р. А. Будагов, М. Н. Кожина и др.), все же приближается к нему. Исследователи развивают тезис о том, что формы функционально-стилистической дифференциации по языкам неодинаковы. Ими также подчеркивается, что материалом